

Научно-исследовательский журнал «Modern Economy Success»

<https://mes-journal.ru>

2025, № 6 / 2025, Iss. 6 <https://mes-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки)

УДК 338:339.9

¹ Газизуллин Р.И.,

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

**Формирование правовой инфраструктуры социально ответственного
бизнеса в условиях цифровизации регулирующей среды**

Аннотация: цель работы – определить направления развития правового регулирования корпоративной социальной ответственности с учетом трансформации нормативно-правовой базы под воздействием цифровой экономики.

Результаты: В статье исследуются концептуальные и практические аспекты формирования правовой инфраструктуры социально ответственного бизнеса в условиях цифровизации нормативной среды. В ходе исследования выявляются основные элементы правовой инфраструктуры социально ответственного бизнеса, анализируется влияние цифровой трансформации на корпоративную социальную ответственность и формулируются выводы о необходимых мерах по адаптации права к новым условиям. Показано, что цифровизация создаёт как новые возможности для повышения прозрачности и эффективности корпоративной социальной ответственности, так и новые проблемы, связанные с защитой прав и интересов участников цифровых отношений.

Выводы: формирование современной правовой инфраструктуры корпоративной социальной ответственности в цифровой среде требует комплексных усилий со стороны государства, бизнеса и общества, включая разработку специальных нормативных актов, интеграцию принципов устойчивого развития и ESG-стандартов в правовую систему, внедрение механизмов корпоративной цифровой ответственности.

Ключевые слова: бизнес, корпоративная социальная ответственность, правовая инфраструктура, цифровизация, нормативно-правовая среда, устойчивое развитие, добросовестность, контроль, этика

Для цитирования: Газизуллин Р.И. Формирование правовой инфраструктуры социально ответственного бизнеса в условиях цифровизации регулирующей среды // Modern Economy Success. 2025. № 6. С. 304 – 315.

Поступила в редакцию: 22 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 октября 2025 г.; Принята к публикации: 24 ноября 2025 г.

¹ Gazizullin R.I.,

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

**Formation of the legal infrastructure of socially responsible business
in the context of digitalization of the regulatory environment**

Abstract: the purpose of the work is to determine the directions of development of the legal regulation of corporate social responsibility, taking into account the transformation of the regulatory framework under the influence of the digital economy.

Results: The article examines the conceptual and practical aspects of the formation of the legal infrastructure of socially responsible business in the context of the digitalization of the regulatory environment. The study identifies the main elements of the legal infrastructure of socially responsible business, analyzes the impact of digital transformation on corporate social responsibility, and draws conclusions about the necessary measures to adapt the law

to new conditions. It is shown that digitalization creates both new opportunities for increasing transparency and effectiveness of corporate social responsibility, as well as new problems related to the protection of the rights and interests of participants in digital relations.

Conclusions: the formation of a modern legal infrastructure of corporate social responsibility in the digital environment requires comprehensive efforts on the part of the state, business and society, including the development of special regulations, the integration of the principles of sustainable development and ESG standards into the legal system, the introduction of mechanisms of corporate digital responsibility.

Keywords: business, corporate social responsibility, legal infrastructure, digitalization, regulatory environment, sustainable development, integrity, control, ethics

For citation: Gazizullin R.I. Formation of the legal infrastructure of socially responsible business in the context of digitalization of the regulatory environment. Modern Economy Success. 2025. 6. P. 304 – 315.

The article was submitted: August 22, 2025; Approved after reviewing: October 20, 2025; Accepted for publication: November 24, 2025.

Введение

В отечественной научной литературе концепция корпоративной социальной ответственности определяется как особый правовой и экономико-социальный феномен, выражающийся в добровольном вкладе бизнеса в социально-экономическое развитие общества, который по своей природе выходит за пределы императивных требований законодательства и, соответственно, характеризуется более высоким уровнем нормативной и ценностной нагрузки, чем предписанные законом обязанности хозяйствующих субъектов [1, с. 32]. При этом акцентируется внимание на том, что подобное поведение компаний носит наднормативный характер и предполагает реализацию дополнительных социальных обязательств, направленных на поддержку общественно значимых сфер, начиная от сферы трудовых отношений и социальной защиты работников и заканчивая вопросами экологической устойчивости, благотворительности и инвестициями в развитие местных сообществ [2]. В зарубежной доктрине, напротив, получила развитие идея многоуровневой структуры социальной ответственности бизнеса, закреплённая в так называемой «пирамиде КСО», где выделяются базовые уровни – экономический (обеспечение прибыльности и финансовой устойчивости), правовой (соблюдение действующего законодательства), этический (добросовестное и справедливое поведение в отношении заинтересованных сторон) и филантропический (добровольные социальные инициативы, не продиктованные законом или контрактными обязательствами) [3, с. 4]. Данная типология позволяет рассматривать социальную ответственность не как однородное явление, а как многоаспектный институт, охватывающий всю совокупность взаимодействия бизнеса и общества, при этом именно синер-

гия указанных уровней задаёт реальное содержание ответственности в современных условиях.

Следует отметить, что в современной управленческой практике наблюдается тенденция к интеграции всех упомянутых уровней социальной ответственности в стратегию корпоративного управления, в политику устойчивого развития и в операционные процессы компаний, что выражается в учёте интересов широкого круга стейкхолдеров – от акционеров и работников до местных сообществ, потребителей и государственных институтов, и обусловлено возрастанием общественных ожиданий, формируемых как внутренними социальными запросами, так и глобальными нормативными и ценностными ориентирами, закреплёнными в международных документах, в частности в Целях устойчивого развития ООН (ЦУР), которые служат универсальной рамкой для оценки ответственности бизнеса в долгосрочной перспективе. В этой связи бизнес-сообщество всё активнее внедряет принципы КСО в свою стратегическую деятельность, рассматривая их как фактор снижения репутационных рисков, повышения конкурентоспособности и укрепления доверительных отношений с обществом и государством.

Современный этап развития как национальной экономики, так и правовой системы Российской Федерации характеризуется усилением роли социальной ответственности бизнеса, которая в отечественной доктрине и практике всё чаще рассматривается не только как добровольная форма социальной активности, но и как узловой фактор обеспечения устойчивого развития общества и государства [4, с. 2]. При этом само понятие КСО интерпретируется как комплексное явление, включающее добровольное принятие компаниями на себя обязательств перед обществом, выходящих за рамки установленных государством минимальных нормативных требований и охватывающих широ-

кий спектр сфер – от охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности до заботы о благополучии работников, развития человеческого капитала, поддержки местных сообществ и удовлетворения интересов других стейкхолдеров. В научной литературе подчёркивается, что подобные обязательства по своей сути направлены на защиту социально значимых интересов общества и на нейтрализацию негативных последствий предпринимательской деятельности, будь то экологические риски, социальное неравенство или дефицит социальной инфраструктуры [5, с. 692], что объясняется объективной установкой современной системы государственного регулирования экономики, ориентированной на становление сбалансированной структуры экономических связей, способной обеспечить удовлетворение фундаментальных потребностей населения и повысить устойчивость национального социально-экономического развития в долгосрочной перспективе.

Одновременно с эволюцией социально-экономических институтов и усложнением правовых систем происходит масштабная и многоаспектная цифровая трансформация всех сфер общественной жизни, охватывающая не только процессы экономической деятельности и функционирования рыночных структур, но и механизмы государственного управления, систему образования, здравоохранения и иные социальные институты, что в совокупности приводит к формированию принципиально новой «цифровой реальности», в рамках которой трансформируются традиционные способы организации хозяйственной активности, видоизменяются каналы и формы коммуникации с потребителями (от классических рекламных практик и бумажного документооборота к электронным маркетплейсам, мобильным приложениям и цифровым экосистемам), перестраивается сам характер взаимодействия хозяйствующих субъектов с государственными институтами, переходящими к формату «электронного государства» с интегрированными сервисами и возможностью дистанционного оказания государственных услуг [6, с. 576]. В связи с этим органы государственной власти на федеральном и региональном уровнях последовательно и целенаправленно внедряют цифровые сервисы и электронные платформенные решения, включая систему «Госуслуги», цифровую трансформацию налогового администрирования, применение технологий электронного документооборота и онлайн-судопроизводства, параллельно осуществляя пересмотр и обновление нормативно-правовой базы с целью приведения её в соответствие с вызовами цифровой эпохи и обеспечения

функционирования правовых институтов в условиях стремительного технологического прогресса и глобализации.

Результатом указанных процессов становится формирование обновлённой нормативной среды, содержание которой предусматривает закрепление положений, прямо допускающих и регулирующих использование цифровых технологий при реализации правовых норм и функционировании юридических институтов, в том числе внедрение государственных и корпоративных информационных систем, развитие механизмов обработки и хранения больших данных, создание правовых рамок для применения алгоритмов искусственного интеллекта, технологии блокчейн и иных инновационных инструментов цифровой экономики. Данный процесс получил институциональное закрепление в рамках федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды», входящего в национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации», основная цель которого состояла в создании комплексной нормативно-правовой базы, обеспечивающей благоприятный, стимулирующий и конкурентоспособный правовой режим для развития цифровой экономики в России, при этом среди приоритетных задач проекта значились устранение устаревших регуляторных барьеров, препятствующих внедрению новых технологий, гармонизация законодательства с международными подходами, формирование современных правовых институтов, способных оперативно реагировать на вызовы цифровизации (например, регулирование электронной коммерции, трансграничного обмена данными, цифровых финансовых активов), а также адаптация отраслевых норм корпоративного, гражданского, трудового и предпринимательского права к новым цифровым реалиям.

Вместе с тем именно в условиях интенсивного внедрения цифровых технологий объективно актуализируется исследовательский вопрос о том, каким образом должна трансформироваться правовая инфраструктура социально ответственного бизнеса, чтобы соответствовать не только общим тенденциям цифровизации нормативной среды, но и новым запросам общества, государства и международных регуляторов [7, с. 64]. С другой стороны, цифровизация сопровождается появлением новых правовых и этических рисков, включая угрозы нарушения режима защиты персональных данных, проблемы обеспечения кибербезопасности и информационной устойчивости, вызовы, связанные с использованием алгоритмов искусственного интеллекта и технологий анализа больших данных. Это обуславливает необходимость

переосмысления содержательной составляющей социальной ответственности бизнеса и её интеграции с принципами цифровой этики, требует последовательной корректировки действующего законодательства, направленной на формирование правового режима, способного обеспечить баланс между задачами инновационного развития, интересами бизнеса, защитой прав личности и поддержанием общественного блага в условиях динамично развивающейся цифровой экономики.

Материалы и методы исследований

Правовая инфраструктура социально ответственного бизнеса: понятие и элементы

Развитие социально ответственного ведения бизнеса в современном правовом порядке невозможно без формирования и последовательного функционирования соответствующей правовой инфраструктуры, под которой следует понимать не только совокупность нормативно закреплённых предписаний, но и целостную систему взаимосвязанных правовых норм, институтов и организационно-правовых механизмов, обеспечивающих практическую реализацию принципов корпоративной социальной ответственности в процессе

предпринимательской деятельности – именно такая инфраструктура выполняет роль особой среды и системы условий, в пределах которых хозяйствующие субъекты получают возможность интегрировать социально значимые ценности и ориентиры в свои стратегии и практики, что, в свою очередь, обеспечивает институциональную защиту общественных интересов и минимизацию потенциальных негативных последствий хозяйственной активности правовыми средствами и процедурами [8, с. 146].

При этом представляется необходимым подчеркнуть, что концепт «правовой инфраструктуры» в научном дискурсе не может быть редуцирован лишь к совокупности законов и подзаконных актов, непосредственно регулирующих отдельные аспекты предпринимательской деятельности, поскольку его содержательное наполнение обладает более широкой и многогранной природой, охватывающей не только формально-юридические нормы, но и систему принципов, институтов и процедур, обеспечивающих функционирование социально ориентированного бизнеса в условиях современного правового порядка (табл. 1).

Таблица 1

Основные элементы правовой инфраструктуры социально ответственного бизнеса.

Table 1

The main elements of the legal infrastructure of socially responsible business.

Элемент	Содержательное наполнение и нормативные источники	Юридические последствия, механизмы правоприменения и индикаторы реализации
Нормативно-правовые акты (законы и иные источники права)	Конституционные начала экономической свободы и запрета на злоупотребление правом; положения гражданского, трудового, экологического, корпоративного, налогового законодательства; подзаконные акты о раскрытии информации и охране труда; отсутствие единого «закона о корпоративной социальной ответственности» при одновременном разрозненном характере материальных и процессуальных норм в смежных отраслях.	Возникновение юридических обязательств (комплаенс в сфере труда, экологии, публичного раскрытия информации), установление стандартов должной осмотрительности и ответственности; применение административных и гражданско-правовых санкций; судебная защита интересов неопределённого круга лиц; индикаторы: наличие обязательных разделов в нефинансовой отчётности, количество проверок и предписаний, доля устранённых нарушений, объём налоговых льгот, связанных с благотворительностью.
Принципы права и стандарты «мягкого права»	Общие принципы частного и публичного права (добросовестность, справедливость, прозрачность, соразмерность); добровольные стандарты ESG, руководство ISO 26000, отраслевые кодексы и рекомендации регулирующих органов; методические документы по устойчивой отчётности и управлению рисками.	Нормативное толкование и восполнение пробелов в толковании закона; формирование презумпций надлежащего поведения и стандартов разумной деловой практики; включение стандартов в договорные конструкции и корпоративную политику; индикаторы: наличие публично утверждённых политик ESG, прохождение независимой проверки отчётности, внедрение KPI (например, LTIFR по охране труда, доля «зелёных» закупок, выбросы категорий 1-3), позиции в независимых рейтингах ESG.

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Институты и механизмы реализации	Судебная система, органы государственного контроля и надзора, уполномоченные по правам предпринимателей и потребителей, публичные реестры и информационные системы; внутренние процедуры расследования инцидентов и реагирования на нарушения; каналы коммуникации со стейкхолдерами.	Инициирование проверок и производств, выдача предписаний, применение мер административного воздействия и гражданско-правового взыскания; процессуальные механизмы обеспечения и доказывания, публичный мониторинг исполнения; показатели: количество и исход дел, средний срок устранения нарушений, размер штрафов и компенсаций, доля подтверждённых жалоб, частота обновления данных в реестрах и публичных дашбордах.
Корпоративная политика и саморегулирование	Внутренние документы компаний и объединений (кодексы этики, антикоррупционная и экологическая политика, положения о совете директоров и комитетах по устойчивому развитию), договорные обязательства с контрагентами и требования к цепочке поставок; механизмы отраслевого саморегулирования.	Договорная и дисциплинарная ответственность, включение ESG-ковенантов в кредитные и поставочные соглашения, аудит поставщиков и комплексная проверка соблюдения прав человека, расширение сферы раскрытия информации; показатели: доля независимых директоров и наличие профильного комитета, охват аудитом цепочки поставок, периодичность и полнота нефинансовой отчётности, доля инцидентов, закрытых в установленные сроки, уровень внешней верификации.

Как видно из табл. 1, правовая инфраструктура корпоративной социальной ответственности складывается из двух взаимодополняющих блоков, где, с одной стороны, действуют императивные предписания публичного и частного права, распространяющиеся на всех участников рынка и формирующие минимальные стандарты допустимого поведения, а с другой – функционируют гибкие механизмы «мягкого права» в виде принципов и добровольных стандартов, которые, будучи изначально ориентированными на самоограничение и этическую самоорганизацию бизнеса, постепенно конвертируются в регулятивные ориентиры правоприменения и управленческие практики, что объективно порождает дискуссию о пределах и формах «ожесточения» добровольных норм, о допустимых техниках их инкорпорации в позитивное право и корпоративные обязательства, а равно о рисках подмены частной инициативы формальным комплаенсом. При этом отечественный контекст демонстрирует эволюционную логику: корпоративная социальная ответственность долгое время развивалась преимущественно как элемент деловой культуры и саморегулирования, однако по мере накопления лучших практик и усиления ожиданий стейкхолдеров эти практики стали проникать в сферу нормативных требований регулятора и институциональных запросов инвесторов, кредиторов, биржевых инфраструктур, что проявляется в «закреплении» отдельных добровольных положений, их включении в договорные конструкции, листинговые и информационные обязательства, а также в судебном учёте принципов

добросовестности и прозрачности при разрешении споров.

Показательной в этом отношении выступает динамика требований к прозрачности и публичной отчётности, поскольку то, что еще недавно квалифицировалось как добровольное раскрытие нефинансовой информации, сегодня обретает контуры регулятивного стандарта: крупнейшие публичные акционерные общества, ориентируясь на рекомендации мегарегулятора и ожидания рынков капитала, включают в годовые отчёты структурированные сведения об экологических и социальных показателях, о взаимодействии с персоналом и местными сообществами, о процедурах управления устойчивым развитием, причём даже при рекомендательном характере таких практик сам факт их регулярного внедрения формирует у правоприменителя и инвесторов презумпцию должной осмотрительности и репутационной подотчётности. В одобренном Банком России Кодексе корпоративного управления 2014 года адресатам прямо рекомендуется раскрывать принципы и подходы к социальной ответственности и устойчивому развитию, что, будучи формально диспозитивным предписанием, фактически трансформируется в «обязательность через объяснение» в логике «соблюдай или объясняй» и, следовательно, в критерий оценки качества управления, а в результате – в фактор доступа к капиталу и стоимости заимствований. Одновременно более сотни эмитентов из различных отраслей публикуют отдельные отчёты об устойчивом развитии, опираясь на международные рамочные стандарты (GRI, SASB и близкие им спецификации), интегрируют метрики в

систему корпоративных КРІ, организуют внешнюю верификацию и выстраивают каналы регулярной коммуникации со стейкхолдерами, вследствие чего добровольная транспарентность становится стандартом де-факто, невыполнение которого трактуется рынком и регулятором как индикатор повышенных нефинансовых рисков и дефицита добросовестности, что, в свою очередь, усиливает тенденцию к нормативной формализации лучших практик раскрытия и укрепляет связь между правовой легитимацией социальной ответственности и режимом информационной открытости.

В контексте формирования правовой среды устойчивого развития необходимо подчеркнуть, что инфраструктура корпоративной социальной ответственности выходит за пределы национальных границ и нормативных массивов позитивного права, поскольку на поведение компаний заметно воздействуют транснациональные источники «мягкого права» – к числу которых относятся Руководящие принципы ООН по предпринимательской деятельности и правам человека, Руководящие принципы ОЭСР для многонациональных предприятий, инициативы и принципы Глобального договора ООН, а равно смежные рамочные документы международных финансовых организаций и рейтинговых агентств, причём указанное воздействие реализуется через механизмы договорной интеграции (включение соответствующих обязательств в кредитные соглашения, условия листинга и поставочные контракты), через инвестиционные фильтры и ковенанты (ESG-требования институциональных инвесторов, критерии индексов устойчивости, методики внешней верификации нефинансовой отчётности), через квазипубличные процедуры оценки (рейтинги, ассессменты), а в ряде юрисдикций – посредством «ожесточения» норм мягкого права в позитивное законодательство, что ведёт к появлению обязательств по должной осмотрительности в цепочках поставок, по раскрытию нефинансовых показателей и по предотвращению нарушений прав человека и экологического вреда на трансграничном уровне [9, с. 249].

Правовые принципы, образующие идеологическое и нормативное ядро такой инфраструктуры, обнаруживают себя прежде всего в конституционно-правовых установлениях, где провозглашение свободы экономической деятельности и единства экономического пространства (ст. 8 Конституции

Российской Федерации) соотносится с положениями о человеке, его правах и свободах как высшей ценности и о социальном характере государства (ст. 2 и ст. 7 Конституции Российской Федерации), благодаря чему формируется баланс между предпринимательской автономией и публичными интересами, ориентированными на достойную жизнь и свободное развитие личности. В развитие этих установлений гражданско-правовой массив закрепляет принцип добросовестности (п. 3 ст. 1 ГК РФ в системной связи со ст. 10 ГК РФ), который выполняет функцию универсального критерия оценки поведения участников оборота и, будучи применён к сфере корпоративной социальной ответственности, предполагает обязанность компании действовать честно и разумно по отношению к работникам, деловым партнерам, потребителям и местным сообществам, воздерживаясь от злоупотребления правами, от манипулирования информационной асимметрией и от форм ложного позиционирования, а равно принимая меры по предупреждению и возмещению негативных последствий своей хозяйственной активности [10, с. 41]. Указанные принципы выполняют рамочную функцию, но не остаются декларацией, поскольку конкретизируются в специальных нормативных требованиях, корпоративных политиках и судебной практике, где формируются презумпции должного поведения, стандарты прозрачности и критерии ответственности за нарушения интересов неопределённого круга лиц.

*Цифровизация нормативной среды:
новые возможности и вызовы для КСО*

Переход к цифровой экономике, сопряжённый с институциональной трансформацией правовой и организационной среды, оказывает многоплановое воздействие на механизмы реализации корпоративной социальной ответственности, поскольку цифровые технологии, платформенные решения и электронные экосистемы, облегчая коммуникацию между компаниями и заинтересованными сторонами, повышая прозрачность и эффективность социальных и экологических проектов, одновременно создают новые риски, связанные с защитой персональных данных, кибербезопасностью, алгоритмической справедливостью и этикой использования искусственного интеллекта, что требует пересмотра существующих норм и адаптации правового регулирования к реалиям цифрового общества (табл. 2).

Таблица 2

Влияние цифровизации на корпоративную социальную ответственность.

Table 2

The impact of digitalization on corporate social responsibility.

Аспект цифро-визации	Новые аспекты социальной ответственности бизнеса (содержательное наполнение и управленческие практики)	Правовые последствия, механизмы право-применения и проверяемые индикаторы
Прозрачность и онлайн-отчётность	Формирование постоянных каналов раскрытия информации в машиночитаемых форматах (в том числе XBRL/iXBRL) с привязкой к унифицированным таксономиям устойчивого развития, интеграция нефинансовых показателей (ESG) в годовые отчёты и отдельные отчёты об устойчивом развитии, организация двустороннего диалога со стейкхолдерами на публичных платформах и через API-доступ к наборам данных, обеспечение прослеживаемости источников и методик расчёта показателей.	Режим «соблюдай или объясняй» и внедрение внешнего подтверждения (заверения) нефинансовых данных; требования к достоверности и сопоставимости показателей при раскрытии информации; индикаторы: периодичность публикаций и соблюдение сроков, полнота раскрытия в рамках GRI/других стандартов, наличие независимого подтверждения, доля раскрываемых данных по направлениям 1–3, доступность открытых наборов данных и журналов изменений.
Персональные данные и кибербезопасность	Внедрение принципов «конфиденциальность по умолчанию» и «безопасность по умолчанию» в бизнес-процессы, проведение регулярных DPIA (оценок воздействия на защиту данных), назначение ответственного за защиту данных, обучение персонала и моделирование реагирования на инциденты, построение сегментированных архитектур хранения и минимизация собираемых атрибутов.	Юридическая обязанность соблюдать режим защиты персональных данных и обеспечивать киберустойчивость, уведомлять о нарушениях в установленные сроки, проводить аудит соответствия и сертификацию ИС; показатели: количество и класс инцидентов, среднее время обнаружения/реагирования (MTTD/MTTR), доля зашифрованных массивов, результаты внешних и внутренних аудитов, процент сотрудников, прошедших обучение и тестирование.
Автоматизация и занятость	Проактивное управление трансформацией занятости: дорожные карты по переобучению и повышению квалификации, справедливые процедуры оптимизации численности персонала с контролем со стороны человека за алгоритмическим управлением, программы поддержки увольняемых работников, прозрачность критериев производительности, оценка социального воздействия внедряемых технологий.	Соблюдение трудовых норм и недопущение дискриминации при алгоритмическом управлении; социальное партнёрство и договорные гарантии; показатели: охват обучением и его бюджет, доля трудоустроенных после программ поддержки, количество обоснованных жалоб на автоматизированные решения, наличие отчётов об оценке воздействия на персонал.
Этичное использование технологий (в том числе ИИ)	Создание комитетов по цифровой этике с участием независимых экспертов, внедрение процедур управления модельными рисками (model risk management) и обязательного аудита предвзятости, документирование жизненного цикла моделей (карточки моделей, спецификации данных), механизмы информированного согласия и права человека на объяснение автоматизированных решений.	Политика ответственного использования ИИ и внутренние регламенты ответственности, аудит отслеживаемости решений и контроль третьих лиц-поставщиков; индикаторы: частота и полнота аудита предвзятости, метрики справедливости (например, разница между TPR и FPR), наличие «паспортов» моделей и журналов обращений, доля случаев предоставления объяснимых решений.
Цифровое неравенство и инклюзивность	Расширение доступности цифровых сервисов для уязвимых групп населения (включая соответствие стандарту WCAG 2.1 AA и наличие альтернативных каналов), программы повышения цифровой грамотности и поддержка IT-образования, ценовая и территориальная доступность сервисов в регионах с дефицитом инфраструктуры.	Обязательства по обеспечению недискриминационного доступа и критерии инклюзивности при закупках, стимулирующие меры и налоговые льготы для инклюзивных проектов; показатели: процент сервисов, соответствующих требованиям WCAG, количество бенефициаров образовательных программ, объём инвестиций в устранение «цифрового разрыва», периодичность независимого тестирования доступности.

Как показывает анализ современных тенденций, цифровая трансформация не только повышает значимость корпоративной социальной ответственности в качестве обязательного элемента

устойчивого развития, но и предъявляет к ней дополнительные, усложнённые требования, обусловленные как потребностями общества в сохранении справедливого и безопасного цифрового про-

странства, так и необходимостью обеспечения адекватного правового контроля над процессами, выходящими за рамки традиционных экономико-правовых моделей [11]. Именно поэтому в национальных стратегиях и программах акцентируется внимание на необходимости учёта социальных эффектов цифровизации и защиты прав граждан в условиях новой цифровой среды, что нашло отражение в таких документах, как Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы и государственная программа Цифровая экономика Российской Федерации, содержащих положения о создании доверительной и безопасной цифровой среды, в инновационном для отечественного законодательства шаге – введении в правовой оборот категории «цифровые права» Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ, который, хотя и не относится напрямую к корпоративной социальной ответственности, демонстрирует вектор нормативной модернизации и формирует контекст, в рамках которого добровольные инициативы бизнеса по обеспечению цифровой этики постепенно приобретают характер юридически значимых обязательств. В то же время очевидно, что по мере усиления внимания регуляторов к цифровым аспектам предпринимательской деятельности несоблюдение стандартов цифровой ответственности может повлечь реальные санкции: уже сегодня крупные утечки персональных данных в таких сферах, как телекоммуникации и финансы, влекут штрафы и репутационные потери, а в перспективе можно прогнозировать введение обязательных требований к аудиту алгоритмов на предмет отсутствия дискриминации, закрепление этических стандартов для разработчиков и поставщиков искусственного интеллекта, формализацию практик корпоративной цифровой ответственности (CDR), которые пока воспринимаются как элементы саморегулирования, но постепенно переводятся в сферу правового регулирования, что подтверждается и зарубежными примерами – принятием в Европейском союзе Общего регламента по защите данных (GDPR), уже ставшего глобальным стандартом приватности, и разработкой AI Act.

Наряду с этим необходимо отметить, что цифровизация создаёт для компаний новые инструменты реализации социальной ответственности,

поскольку современные цифровые платформы позволяют организовывать благотворительные инициативы в форме онлайн-кампаний и краудфандинга, осуществлять прямое и прозрачное взаимодействие с местными сообществами и заинтересованными группами через социальные сети, что обеспечивает не только оперативность обратной связи, но и повышает прозрачность КСО-проектов [12, с. 22]. Внедрение систем электронного учёта и мониторинга ESG-показателей, интегрированных в корпоративные контуры управления, позволяет компаниям системно отслеживать социальные и экологические результаты деятельности, сопоставлять их с глобальными целями устойчивого развития и формировать публичные отчёты, соответствующие международным стандартам GRI, SASB или TCFD. Всё это свидетельствует о том, что цифровизация становится неотъемлемой частью инфраструктуры корпоративной социальной ответственности как на уровне нормативного регулирования и институциональной среды, так и на уровне конкретных инструментов практической реализации. Однако при этом следует учитывать, что цифровые технологии – это лишь средство, а не самоцель: без соответствующего правового и этического каркаса их использование не гарантирует достижения общественно значимых целей. Именно поэтому развитие нормативной базы цифровой экономики должно осуществляться параллельно с формированием устойчивых правовых условий для социально ответственного ведения бизнеса, обеспечивая баланс между инновационным развитием, защитой прав человека и интересами общества в целом.

Результаты и обсуждения

Проблемы внедрения КСО и перспективы развития в России

Несмотря на положительные тенденции в развитии корпоративной социальной ответственности и постепенное внедрение международных стандартов, процесс формирования целостной и действенной правовой инфраструктуры КСО в России сталкивается с рядом серьёзных проблем институционального, нормативного и практического характера, которые затрудняют интеграцию КСО в систему устойчивого развития и требуют научно обоснованных решений (табл. 3).

Таблица 3

Проблемы и рекомендации по развитию правовой инфраструктуры корпоративной социальной ответственности в России.

Table 3

Problems and recommendations for the development of the legal infrastructure of corporate social responsibility in Russia.

Проблема	Факторы, научно обоснованные причины и социально-правовые последствия	Рекомендации и научно обоснованные механизмы решения проблем
Низкая вовлечённость малого и среднего бизнеса (МСБ)	Отсутствие знаний о КСО и ESG-стандартах; ограниченные ресурсы для разработки нефинансовой отчётности; восприятие КСО как «имиджевой акции» без прямой экономической выгоды; отсутствие системных образовательных программ; риск маргинализации сектора МСП в сфере устойчивого развития. Последствия: концентрация КСО в крупном бизнесе, рост неравенства между секторами экономики.	Внедрение образовательных модулей по корпоративной социальной ответственности в государственные и региональные программы поддержки малого и среднего предпринимательства; субсидирование расходов на обучение и отчётность; создание цифровых платформ для обмена опытом; внедрение рейтинговых систем для малого и среднего предпринимательства с учётом социальной и экологической активности; поддержка участия в международных инициативах (Глобальный договор ООН, ISO 26000).
Ограниченные экономические стимулы	Существующие налоговые льготы носят фрагментарный характер и не компенсируют издержки крупных социальных проектов; отсутствует интеграция ESG-показателей в систему государственных закупок и конкурсов; слабая увязка корпоративной социальной ответственности с механизмами финансирования. Последствия: низкая мотивация к инвестированию в социальные программы; сохранение корпоративной социальной ответственности в рамках добровольных и изолированных инициатив.	Расширение системы налоговых льгот для компаний с высоким ESG-рейтингом; законодательное закрепление нефинансовых показателей в качестве критерия допуска к государственным закупкам; создание системы «зеленых» облигаций и льготного кредитования; интеграция социальных показателей в систему национальных проектов и инвестиционных программ.
Отсутствие единого координатора политики в сфере КСО	«Распыление» функций между министерствами (Минэкономразвития – отчётность, Минтруд – трудовые нормы, Минприроды – экология, Банк России – нефинансовая отчётность); отсутствие единой стратегии и системного мониторинга; дублирование функций. Последствия: низкая согласованность политики, фрагментарность регулирования, слабая прозрачность.	Создание национального совета или агентства по устойчивому развитию и корпоративной социальной ответственности с функцией координации; разработка единой стратегии с измеримыми показателями; интеграция корпоративной социальной ответственности в систему национальных целей до 2030 года; создание ежегодного государственного доклада о корпоративной социальной ответственности.
Недостаточное доверие общества к отчётности	Отсутствие независимого аудита нефинансовой отчётности; низкая вовлечённость НКО и экспертного сообщества в процессы мониторинга; практика «социального камуфляжа» (гринвошинга). Последствия: рост скептицизма в обществе, снижение эффективности социальных инвестиций, репутационные риски для бизнеса.	Законодательное закрепление обязательной верификации нефинансовой отчётности для компаний из определённых отраслей; создание реестра аккредитованных аудиторов ESG-данных; развитие практики общественного контроля с участием НКО; стимулирование публикации «интегрированных отчётов» (финансовых и нефинансовых).

Продолжение таблицы 3
Continuation of Table 3

Зависимость от глобальных стандартов и внешнего давления	Отсутствие собственного системного закона о корпоративной социальной ответственности; адаптация международных норм без учёта национальной специфики; доминирование требований иностранных инвесторов и регуляторов (например, соответствие Общему регламенту по защите данных для IT-сектора). Последствия: нормативная зависимость, риски отставания национального регулирования, потеря конкурентных преимуществ.	Разработка федерального закона о корпоративной социальной ответственности, учитывающего требования ESG; формирование национальных методик оценки социальных проектов; закрепление критериев корпоративной социальной ответственности в ГК РФ и специальных законах; участие России в разработке международных стандартов (например, в рамках G20, ОЭСР, ООН).
--	---	---

Анализируя данные, представленные в табл. 3, следует подчеркнуть, что выявленные проблемные зоны демонстрируют не столько изолированные недостатки отдельных сегментов регулирования, сколько структурные противоречия между добровольной природой корпоративной социальной ответственности и возрастающей потребностью в её институционализации, что выражается в необходимости поиска баланса между стимулирующими и ограничительными механизмами, обеспечивающими одновременно гибкость саморегулирования и предсказуемость правоприменения. Таким образом, предложенные рекомендации отражают стремление к созданию комплексной правовой архитектуры, в которой меры поддержки малого и среднего бизнеса, налоговые и финансовые стимулы, координация государственной политики, развитие механизмов общественного контроля и формирование национальной нормативной базы неразрывно связаны между собой и в совокупности способны трансформировать КСО из преимущественно добровольной практики в устойчивый институт социально ориентированного предпринимательства, отвечающий как национальным интересам, так и глобальным вызовам устойчивого развития.

Выводы

Формирование правовой инфраструктуры социально ответственного бизнеса в цифровую эпоху процесс многоуровневый и методологически сложный, требующий синергии нормативных реформ, институционального переустройства механизмов правоприменения и управленческих инноваций на уровне корпоративного управления, при этом цифровизация выступает ускорителем эволюции корпоративной социальной ответственности от преимущественно добровольной доктрины к режиму с формализованными правилами, процедурами раскрытия и верификации данных, где право, будучи инструментом общественного развития, обязано реагировать гибко и адресно: закреплять императивные требования там, где речь идёт о защите публичных интересов, прав челове-

ка и окружающей среды, и стимулировать инициативность бизнеса посредством «мягкого права», налоговых и финансовых инструментов, а равно режимов сопоставимой прозрачности (включая цифровые форматы отчётности, внешнее заверение нефинансовых показателей), что в совокупности позволяет минимизировать информационную асимметрию, укрепить доверие стейкхолдеров и встроить социальные приоритеты в контуры корпоративного риск-менеджмента и системы вознаграждения менеджмента.

Опыт глобальных кризисов, в частности пандемии COVID-19, продемонстрировал возрастающую роль бизнеса в исполнении социально значимых функций – от поддержки системы здравоохранения и обеспечения сотрудников средствами индивидуальной защиты до перестройки производственных цепочек под общественные нужды, вслед за чем вырисовывается контур ближайшей повестки для России: нормативная институционализация требований к раскрытию информации о социальной ответственности и устойчивом развитии (вплоть до обязательных таксономий и машинно-читаемых форматов), интеграция ESG-критериев в корпоративные решения на уровне советов директоров, комитетов и KPI руководства, разработка методических ориентиров корпоративной цифровой ответственности (включая управление алгоритмическими рисками, защиту данных и киберустойчивость), адаптация лучших международных практик с учётом национальной специфики и правовой традиции, что при надлежащем исполнении ведёт к повышению эффективности социальных инвестиций, росту доверия между обществом и предпринимательским сообществом и укреплению долгосрочной устойчивости социально-экономического развития.

В конечном счёте социально ответственный бизнес, опирающийся на адекватную правовую инфраструктуру и действующий в условиях продуманного сочетания императивных норм и механизмов саморегулирования, становится полноправным партнёром государства в достижении

общенациональных целей устойчивого развития. При этом цифровизация выступает не угрозой, а инструментом расширения возможностей такого партнёрства – разумеется, при условии наличия риск-ориентированного регулирования, прозрачных процедур независимой верификации, эффективных каналов общественного контроля и этических

рамков применения технологий искусственного интеллекта и больших данных, что позволяет направлять технологический потенциал в конструктивное русло и обеспечивать баланс инноваций, экономической эффективности и общественного блага.

Список источников

1. Газизуллин Р.И. Правовая концепция социальной ответственности бизнеса: монография. М.: Статут, 2022. 162 с.
2. Благов Ю.В., Петров-Савченко А.А. Доклад о социальных инвестициях в России 2019: к трансформации бизнеса в интересах устойчивого развития / под общ. ред. Ю.Е. Благова. М.: Ассоциация менеджеров, 2020. 75 с.
3. Кэрролл А.Б. Пирамида корпоративной социальной ответственности Кэрролла: новый взгляд // Международный журнал корпоративной социальной ответственности. 2016. Т. 1. № 3. С. 1 – 8.
4. Ву В., Ши Дж., Лю Ю. Влияние корпоративной социальной ответственности в сфере технологических инноваций на устойчивую конкурентоспособность // Communications in Humanities and Social Sciences. 2024. Т. 11, статья 707. С. 1 – 11.
5. Мюллер Б. Корпоративная цифровая ответственность // Бизнес и проектирование информационных систем. 2022. Т. 64. № 5. С. 689 – 700.
6. Измайлова М.А. Цифровая трансформация и социальная ответственность: прагматизм или поиск баланса // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2022. Т. 13. № 4. С. 575 – 591.
7. Ивардава Л.И. Источники нормативного регулирования цифровизации общественных отношений // Достижения науки в области права. 2021. Т. 9. № 3. С. 61 – 65.
8. Газизуллин Р.И. Правовая концепция социальной ответственности бизнеса: дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2023. 363 с.
9. Право устойчивого развития и ESG-стандарты: учебник / под ред. М.В. Мажорина. М.: Проспект, 2023. 752 с.
10. Антонова Е.Г. Правовое содержание социальной ответственности бизнеса // Гражданское право. 2024. № 6. С. 39 – 42.
11. Дёпп С. Корпоративная цифровая ответственность: управление корпоративной ответственностью и устойчивое развитие в эпоху цифровых технологий. Cham: Springer, 2023. 345 с.
12. Алимину И.А. Условия развития малого бизнеса в России и перспективы адаптации международного опыта государственной поддержки малого бизнеса в российских реалиях // Экономика сегодня: современное состояние и перспективы развития (Вектор – 2022): в 4 ч. М., 2022. Ч. 1. С. 20 – 23.

References

1. Gazizullin R.I. Legal Concept of Social Responsibility of Business: Monograph. Moscow: Statut, 2022. 162 p.
2. Blagov Yu.V., Petrov-Savchenko A.A. Report on Social Investments in Russia 2019: Towards Business Transformation in the Interests of Sustainable Development. edited by Yu.E. Blagov. Moscow: Association of Managers, 2020. 75 p.
3. Carroll A.B. Carroll's Pyramid of Corporate Social Responsibility: A New Look. International Journal of Corporate Social Responsibility. 2016. Vol. 1. No. 3. P. 1 – 8.
4. Wu W., Shi J., Liu Y. The Impact of Corporate Social Responsibility in the Sphere of Technological Innovations on Sustainable Competitiveness. Communications in Humanities and Social Sciences. 2024. Vol. 11, Article 707. P. 1 – 11.
5. Müller B. Corporate Digital Responsibility. Business and Information Systems Design. 2022. Vol. 64. No. 5. P. 689 – 700.
6. Izmailova M.A. Digital Transformation and Social Responsibility: Pragmatism or Search for Balance. MIR (Modernization. Innovation. Development). 2022. Vol. 13. No. 4. P. 575 – 591.
7. Ivardava L.I. Sources of Normative Regulation of Digitalization of Public Relations. Achievements of Science in the Field of Law. 2021. Vol. 9. No. 3. P. 61 – 65.

8. Gazizullin R.I. Legal Concept of Social Responsibility of Business: Dis. ... Doc. jurid. sciences. Kazan, 2023. 363 p.
9. Sustainable Development Law and ESG Standards: Textbook. edited by M.V. Mazhorin. Moscow: Prospect, 2023. 752 p.
10. Antonova, E.G. Legal Content of Corporate Social Responsibility. Civil Law. 2024. No. 6. P. 39 – 42.
11. Dörr S. Corporate Digital Responsibility: Corporate Responsibility Management and Sustainable Development in the Digital Age. Cham: Springer, 2023. 345 p.
12. Alimina I.A. Conditions for the development of small business in Russia and prospects for adapting international experience of state support for small business in Russian realities. Economy today: current state and development prospects (Vector – 2022): in 4 parts. Moscow, 2022. Part 1. P. 20 – 23.

Информация об авторе

Газизуллин Р.И., доктор юридических наук, кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3100-6291>; SPIN-код: 5967-4019, Author ID: 1178843, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, Rishat.Gazizullin@kpfu.ru

© Газизуллин Р.И., 2025